

НЕДАВНО в Нью-Йорке вышла книга «Легенда о Ване Клиберне», написанная Э. Чейсинсом и В. Стайлсом. Э. Чейсинс — критик-музыковед, близко знающий молодого пианиста.

В рецензии на книгу обозреватель Херберт Капферберг пишет в литературном приложении к газете «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«Легенда о Ване Клиберне» — очень правильное название для книги, так как рассказы о долгом молодом техасце стали уже достоянием фольклора... Мистер Чейсинс необыкновенно ясно показывает, — и это основополагающая идея его книги, — что, если бы Клиберн не завоевал первенства на московском конкурсе, сегодня он был бы неизвестен в своей родной стране. В одной из наиболее интересных глав книги рассказывается, как еще до московского конкурса, когда он был уже признанным исполнителем, Клиберн столкнулся с проблемой, стоящей и сейчас перед многими прекрасными американскими музыкантами, не ездившими в Москву, — проблемой постоянного сокращения ангажементов... И несмотря на грандиозный и уникальный успех, выпавший на долю Клиберна, очень мало фактов говорит за то, что это положение кардинальным образом изменится в ближайшем будущем...»

Мы предлагаем вниманию нашего читателя сокращенный перевод одной из глав книги «Легенда о Ване Клиберне».

„Легенда о Ване Клиберне“

Э. ЧЕЙСИНС и В. СТАЙЛС

зарывать в землю данный ей боготалант и спрашивая, не согласится ли она понграть в е м у, если он попадет в их края. Когда мы уходили из ресторана, отец девочки стоял в углу и неотрывно смотрел вслед Вану.

Ван Клиберн еще и потому с такой силой ударяет по сердцам, будь перед ним отдельный человек или огромный зал, что так тревожен, так насыщенный предчувствием грозы воздух, которым мы дышим. Нет в наши дни потребности более жгучей, нежели потребность мирно разрешить остершие проблемы нашей вселенной, в которой все развивается сейчас с такой стремительной и пугающей быстротой. И надо разрешить их, иначе никто из нас не сможет жить спокойно и безмятежно, если вообще сможет выжить и жить.

Люди во всем мире видят, как опять разыгрывается все та же, далеко не новая игра, только на сей раз любители «политики силы» размахивают новым, ядерным оружием. Люди хотят положить конец этой бессмысленной, безумной игре. Их приводит в отчаяние распад всех человеческих связей — плод провалившейся ядерной дипломатии. Они полны страстного желания протянуть друг другу руки, обрести друг друга, высказать вслух общие надежды и чаяния, рассеять страхи, чтобы все поняли, что самое заветное желание каждого из них — дружба.

И эти общие наши чувства красноречивее всего выражает ныне художник, артист. Стихийно вспыхивающие неистовые овации, которыми встречали русских артистов у нас в Америке, а наших — в России и странах новой демократии, — неопровержимое свидетельство высокой власти искусства. Но буря чувств, неизменно раздражающаяся при этих встречах, говорит также о том, как жаждут люди согласия и гармонии. Сердечным приемом, который мы оказываем русским артистам, а они — нашим, мы говорим друг другу:

— Будем друзьями! Пусть наша общая любовь к искусству поможет нам понять друг друга и жить в мире.

С особой силой это выразилось в триумфе Вана Клиберна. В России и в Америке, в Бельгии и Голландии, во Франции и в Англии люди не только аплодировали замечательному пианисту, они явно старались высказать ему нечто такое, что он, которому внимают тысячи и тысячи, быть может, сумеет передать другим людям — тем, от кого так много зависит сейчас в нашем изменчивом мире.

Так родилась легенда о Клиберне.

Свою силу и свою любовь он приносит на подмостки, чтобы отдать слушателям. Особенно ясно мне стало это во время четырех концертов, которые он дал в октябре с оркестром Нью-Йоркской филармонии.

По пятницам на дневные концерты в филармонии собирается самая великосветская и самая сдержанная публика. Дамы — а самую большую часть публики составляют именно дамы — имеют обыкновение аплодировать кончиками пальцев, если исполнение им нравится, или сидят, как статуи, если оно им не нравится. Во время последнего номера программы добрая половина публики всякий раз устремляется к дверям, чтобы избежать толкотни.

Вану предстояло играть во втором отделении. Очутившись в филармонии, я не поверил собственным глазам. Едва ли хоть кто-нибудь вышел, не дождавшись конца. С последним аккордом зал поднялся, как один человек, и громкими криками приветствовал Вана, дирижера Леонарда Бернштейна и оркестр, с которыми Ван во что бы то ни стало хотел разделить свой триумф. Их вызывали восемь раз, и лишь после этого публика нехотя двинулась к выходу, взволнованная, потрясенная; у многих на глазах были слезы. Я слышал, как одна женщина сказала прерывающимся голосом:

— Не могу объяснить, но это гораздо, гораздо больше, чем просто музыка.

В субботу вечером, после концерта, Ван вновь осаждала такая же толпа. Потом в Радужном зале Радиогорода Дэвид Рокфеллер устроил званый вечер в его честь. Ван ел, потягивал содовую и танцевал до часу ночи, потом отключился. Все были уверены, что он отправился спать, ведь на завтра ему предстоял заключительный концерт.

Ничуть не бывало. Вместе с Кондратиным и несколькими близкими друзьями он отправился к миссис Левентрит. Едва переступив порог, он кинулся к одному из двух концертных роялей, стоявших в гостиной, и заиграл Третий фортепьянный концерт Прокофьева; он играл, а Кондратин дирижировал воображаемым оркестром. Потом они сыграли Второй концерт Брамса для двух фортепьяно. Разошлись только в четвертом часу...

На следующий день мы были в ресторане. Не успели мы сесть, как метр-дотель сообщил мне, что однажды, месяц назад, у них обедал Ван, и с тех пор в ресторане появились совсем новые посетители. Каждый день прибегают девочки, которым нет еще и двадцати, и первым делом спрашивают:

— Где сидел Ван Клиберн?

Если столик Вана занят, они терпеливо ждут, даже когда в зале сколько угодно свободных мест. Другие заранее звонят по телефону и просят оставить для них «стол Вана Клиберна».

В какой бы магазин грампластинок я ни зашел, мне в сотый раз непременно сообщат, что еще ни одна классическая пластинка не пользовалась таким успехом у подростков, как Концерт Чайковского в исполнении Клиберна. Одни наши знакомые все недоумевали и лишь недавно раскрыли секрет, почему их дети без конца висят на телефоне: они проигрывают друг другу пластинки Клиберна!

Ван от души радовался своей популярности, славе и успеху месяцев пять, затем он однажды сказал мне по телефону:

— Я ужасно ценю, что мне так... так посчастливилось. Но я ведь знаю, счастье переменчиво, и поверьте, если завтра все это кончится и я должен буду возвратиться в Техас, снова упражняться и давать уроки, меня это ничуть не огорчит, честное слово...

...Этот год был для Вана до краев полон событий — приобретенного опыта хватило бы на целую жизнь. И опыт отрезвлял. Ван говорит и поступает не как юный гений, у которого все впереди, но как человек, который остро ощущает неумолимый бег времени. И ему не дают покоя те же вопросы, что и нам: если ты достиг вершины, куда ведет дальше твой путь? Куда пойдет дальше Ван Клиберн?

Ясно, что он не может ни играть, ни зарабатывать намного больше, чем сейчас. Задача его заключается в том, чтобы совершенствоваться и как артисту, и как человеку, и это — задача безмерно трудная, когда ты знаменит и слава твоя оставляет слишком мало времени для труда и раздумья, и тебе слишком много льстит, чтобы ты мог трезво судить о себе. Клиберн сейчас стоит на распутье, и надо помочь ему найти свое будущее.

— Придет такое время, — говорит Ван, — когда я сумею делать все, что захочу.

В этих словах, сказанных музыкантом музыканту, звучит страстное желание выразить все, что есть сокровенного в искусстве и в жизни. Для того чтобы достичь этой цели, Вану придется поступать так, как поступали до него все подлинные художники: время от времени уходить со сцены, чтобы обогатить свой ум и сердце, чтобы научиться еще глубже чувствовать и видеть.

Но ему необходимо также воспользоваться своим нынешним успехом, добиться прочного положения и обеспечить себя материально, чтобы иметь возможность в будущем без помехи работать над собой. Нельзя забывать, что в тот день, когда Клиберн поднялся на борт самолета, вылетающего в Москву, ему минуло двадцать три года, это был талант, завоевавший самые высокие награды, какие даются в нашей стране музыкантам, у него было уже и общее признание, и солидные контракты, и критики осыпали его похвалами. Однако вздумай он в тот день ступить не на трап самолета, а на сцену Карнеги-холла, его появление взволновало бы публику ничуть не больше, чем появление Уильяма Фолкнера на Стильновском ринге. И не победы Клиберна в Москве, скорее всего в таком же положении он оказался бы и сегодня.

Никто не понимает этого яснее самого Клиберна, вот почему в нем так сильно чувство ответственности. Он сознает, что его решения и поступки могут помочь или повредить его собратьям по искусству во всей Америке. И он снова и снова доказывает это на деле с поразительным в таком молодом человеке умением думать не о себе, но о других.

Судя по некоторым признакам, старания Вана и в самом деле пойдут на пользу его коллегам, и это отрадно.

В то время, когда пишется эти строки, через восемь месяцев после московского конкурса, Ассоциация устроителей концертов в Соединенных Штатах и Канаде на ежегодной конференции предложила изучить возможность такой постановки дела, при которой одна или несколько уже существующих для музыкантов премий, позволяющих молодому победителю выступать не только с оркестром, как это принято теперь, но и совершить поездку по стране и дать около тридцати сольных концертов.

Честь и слава мистеру Клиберну! Поистине, он завоевал еще небывалое уважение к своим собратьям-артистам на родине и к своим соотечественникам во всем мире. Но риск был велик, и нельзя забывать, что слишком многое всегда зависит от случая. И пора нам стать умнее, чтобы впредь не оказывать его игрушкой.

Ван Клиберн и пианистка Тонина Дорати, дочь дирижера Миннеаполисского симфонического оркестра, во время прогулки по Лондону. Ван Клиберн и Тонина Дорати совершают концертное турне по Европе.

(Снимок взят из американского журнала «Тайм».)

В тот самый день, когда госпожа Левина сказала мне: «Теперь надо раздобыть денег, чтобы он мог поехать в Москву», — я на одном званом обеде оказался соседом некоего офицера охраны Белого Дома.

— Если у вас найдется свободная минута, — шепнул я, — я поделюсь с вами одной идеей, о которой вам, пожалуй, захочется рассказать президенту. Если он ее поддержит, я думаю, его имя будет вписано золотыми буквами в историю нашей культуры.

Мой сосед вопросительно поднял брови. В сущности, у меня было даже несколько идей. Не только было, но и есть, хотя одна из них немного устарела, а именно — что президент мог бы уделить малую толику долларов из нашей казны пяти или шести молодым музыкантам (в том числе некоему Вану Клиберну), чтобы они могли с блеском представлять нашу страну на международных конкурсах. Мне кажется, все они сумели бы завоевать, по меньшей мере, уважение и добрые чувства к себе самим и к нашей стране. Но мне так и не удалось поделить своими идеями с президентом. Впрочем, у меня набралась целая коллекция любовных писем на прекрасной бумаге с печатью Белого Дома, так что я сильно вырос в глазах моего секретаря. Содержание этих писем представляет собою вариации на одну и ту же тему: «Я с удовольствием жду случая с вами пообщаться. Мы непременно встретимся, как только у обоих выйдет свободная минутка».

Нам все еще следует учиться у Советского Союза и его Министерства культуры пониманию того, что победа артиста — великая победа; однако отклик наших высших общегосударственных и местных властей на успех Вана Клиберна помогает нам верить, что Америка вполне способна учиться.

У нас существует министерство сельского хозяйства. Почему же не быть министерству культуры? У нас есть министр торговли, который ведет обмен товарами. А кто позаботится об обмене идеями? Пожалуй, не вредно бы конгрессу и президенту учредить ежегодные премии для людей искусства и науки, для наших творцов и исполнителей, поэтов и историков. Совет по делам искусств или Федеральный консультативный комитет, или иной орган — назовите, как хотите, — наглядно показав бы, что люди, которые ведут сейчас нелегкую жизнь искателей правды и красоты, — это золотой фонд нации, и они достойны самого серьезного нашего внимания.

В конечном счете самое главное — люди. То, что людям дорого, определяет их поведение, их поступки. Нас уже не так мало, поднимающихся по ступеням культуры, у нас есть кому судить, и мы можем сказать свое слово. Нашему народу, нашим правителям и законодателям остается лишь зачесть друг друга этой идеей: сделать искусство главным руслом наших стремлений и интересов.

Ван Клиберн — это пробный камень, на котором наш народ испытал свое чувство прекрасного. Клиберн открыл миллионам людей бесконечно важную сторону жизни, о которой они прежде и не задумывались. Он совершил славный подвиг. Судьба благоприятствовала ему, он появился как раз вовремя — ни один гениальный драматург не сумел бы столь своевременно вывести героя на сцену.

Победа Вана Клиберна должна пробудить нашу гордость, содействовать расцвету нашей культуры, укрепить нашу веру в то, что мы способны понимать красоту и верно судить о ней.